

Проведенный анализ документов III Отделения СЕИВК позволяет сделать вывод, что тотальная централизация власти при Николае I сузила круг участников диалога власти с обществом. Со второй четверти XIX в. жандармские штаб-офицеры стали для верховной власти основными поставщиками сведений о состоянии органов и «лиц» местного управления, умонастроенный губернского и уездного дворянства, а также других сословий. Контекстуализация их донесений позволяет судить о способах получения этого вида знаний и проследить его применение в политических решениях и судьбах отдельных должностных лиц.

Перевод административного надзора в III Отделение привел к тому, что в коммуникативном пространстве власти жандармские штаб-офицеры получили равный голос, наряду с ее первыми лицами. С их помощью возникающие административные конфликты стали разрешаться путем кадровых технологий: ссылка или перемещение в другие губернии. Официально провозглашалось, что губернские жандармские офицеры не должны вмешиваться в сферу деятельности исполнительных органов власти, а в реальности их влияние на управление губерниями становится очевидной и повседневной административной практикой. Приведенные сюжеты кадровых решений по Казанской губернии могут служить тому доказательством.

Исследование осуществлено в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг. (проект № 12-01-0123).

Примечания

- 1 См.: Полное собрание законов Российской империи : в 30 т. Собр. 2-е. СПб., 1830–1884. СПб., 1830. Т. 1. № 449.
- 2 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1171.
- 3 Там же. Д. 1318.
- 4 Там же. Д. 1128.
- 5 Там же. Д. 1138.

УДК 94(470.44).083/084.6

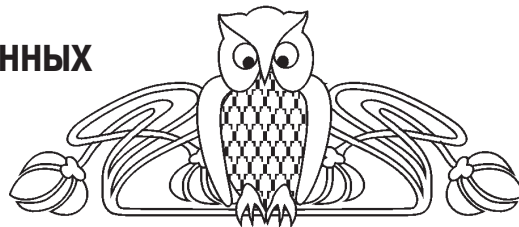
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В. А. Чолахян

Саратовский государственный университет
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

В статье рассматривается социальная составляющая модернизационных процессов в Саратовском Поволжье в конце XIX – начале XX в. в рамках буржуазной и социалистической

- 6 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1191.
- 7 Там же. Д. 1180.
- 8 См.: Бикташева А. Н. Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) // История и историческая память / под ред. А. В. Гладышева. Саратов, 2012. Вып. 5. С. 71–84.
- 9 См.: «Россия под надзором» : отчеты III Отделения 1827–1869 : сб. документов / сост. М. Сидорова и Е. Щурбаков. М., 2006. С. 51–52.
- 10 См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1834 г. Д. 43. Литер А. О злоупотреблениях чиновников Вятской градской полиции.
- 11 По донесению отставного прапорщика Ивана Мисаилова о злоупотреблениях в Ядринском уезде Казанской губернии см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830 г. Д. 186.
- 12 Там же. Л. 30.
- 13 Там же. Л. 10 об.
- 14 Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003. С. 127–128, 145–146, 171–172.
- 15 О доставлении жандармским офицерам сведений, об образе жизни и мыслей чиновников и других сословий в губерниях см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830 г. Д. 494.
- 16 Михайлов И. И. Казанская старина // Русская старина. 1899. Т. 100, № 10. С. 102–103.
- 17 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1171. Л. 12.
- 18 Там же. 1 эксп. 1836 г. Оп. 11. Д. 81. Л. 1, 2 об.
- 19 Там же. Л. 5–6.
- 20 Там же. Л. 60.
- 21 Там же. Д. 1171. Л. 26–30.
- 22 Там же. Л. 5.
- 23 См.: Федорченко В. И. Свита российских императоров : в 2 кн. Красноярск, 2005. Кн. 2. С. 339–340.
- 24 ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1844 г. Д. 247. Ч. 16. Л. 5.
- 25 Там же. 1844 г. Д. 247. Ч. 16. Л. 61.
- 26 Там же. Л. 61–63.
- 27 Там же. Л. 71–74.
- 28 См.: Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 87.
- 29 См.: Орловские губернаторы. Орел, 1998. С. 199.
- 30 Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904. С. 334.

модели развития. Анализируется социальная структура городского общества, изменение ментальности и формы поведения людей, определявшие «человеческую сторону» модернизации.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, урбанизация, маргинализация, социальная структура.

Social Context of Modernization Processes in Saratov Volga in the Late XIX – Early XX Centuries

V. A. Cholakhan

The article discusses the social component of the modernization process in the Saratov Volga in the late XIX – early XX centuries within the bourgeois and socialist development model. Analyzes the social structure of urban society, change of mentality and behavior of people, defines the «human side» of modernization.

Key words: modernization, industrialization, urbanization, marginalization, social structure.

Исторический смысл модернизации в России невозможно понять без анализа её социальной составляющей, а именно состояния общества, изменения ментальности и моделей поведения участников модернизационного процесса. В социальном контексте российскую модернизацию можно разделить на два этапа: буржуазный, прерванный революцией 1917 г., и социалистический, продолжавшийся вплоть до краха советской системы. Цикличность социальных процессов, сопровождавшаяся всеобъемлющим разрушением прежних устоев жизни, приводила к откату общества на исходные рубежи, после чего иные социальные силы вновь брались за решение тех же исторических задач, но уже прибегая к помощи других инструментов.

Раннеиндустриальная модернизация России в конце XIX – начале XX в. способствовала постепенному переходу от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Общественное настроение в стране постепенно склонялось в пользу быстрого промышленного развития при сохранении многих традиционных ценностей. Железнодорожное строительство, активизировавшееся в 1890-е гг., ликвидировало обособленность регионов и стимулировало оживление экономической жизни.

Российский вариант движения от аграрного к индустриальному обществу нашёл яркое отражение и в истории Саратовского Поволжья. В начале XX в. типично аграрный характер региона претерпел значительные изменения: наряду с отраслями, связанными с переработкой сельскохозяйственного сырья (мукомольная, маслобойная, рыбная, пищевкусовая, сарпиночная и т. п.), появились новые виды производства (металлообработка, металлургическая, цементная промышленность), работавшие в основном на привозном топливе и сырье. Если в конце XIX в. более 85 % предприятий региона были заняты обработкой продукции сельского хозяйства и животноводства, то в 1914 г. общий объём промышленного производства в Саратовской губернии за 1891–1914 гг. возрос почти в 4 раза, а фабрично-заводских отраслей – почти в 2,5 раза, составив 24,4%, а вместе со смешанными производствами – 31,3%. Столь значительный рост промышленности отразился на количестве и распределении

рабочих между отраслями: в 1891 г. их численность составляла 19 069 чел., а в 1914 г. – 51 283, причём 81% рабочих трудился на фабрично-заводских и смешанных предприятиях¹.

Вместе с тем, на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдался непрерывный рост «протоиндустриальной промышленности» – мелких кустарных, промысловых и ремесленных заведений, охватывавших больше людей, чем вся фабрично-заводская промышленность: численность кустарей (53 736 чел.) превышала количество рабочих (51 283 чел.). Мелкотоварное производство занимало собственную нишу в многоукладной экономике региона и обеспечивало местный рынок доступными товарами для населения².

Основными промышленными центрами губернии являлись Саратов, Царицын и Вольск. Из всех городов Поволжья выделялся Царицын, входивший в двадцатку наиболее развитых в промышленном отношении городов России. Саратов возглавлял список городов второго разряда, а Балашов и Вольск входили в третий разряд городов с числом рабочих более тысячи человек.

Экономические процессы, прежде всего индустриализация, способствовали качественным изменениям в урбанизационном процессе, так называемому «урбанизационному переходу» к «городскому обществу»³. За период с 1830 г. по 1897 г. численность населения Саратова увеличилась более чем на 87 тыс. чел., составив 137 147 чел.⁴ По данным первой Всеобщей переписи населения 1897 г. Саратов входил в десятку самых крупных городов страны, а в границах, собственно, России по численности населения уступал лишь Москве и Санкт-Петербургу⁵. Всего в городах Саратовской губернии проживало 312 604 чел., а в целом по России – 16 289 181 чел. городского населения⁶. В стране насчитывалось 19 городов с населением свыше 100 тыс. чел., в числе которых был и Саратов, ставший самым крупным городом Поволжья (в Казани, для сравнения, проживало 131 508 чел., в Самаре – 91 672 чел.)⁷.

В 1904 г. в Российской империи (без Финляндии) насчитывалось 949 городов, из которых 680 приходилось на Европейскую Россию. Больших городов насчитывалось 20, или 2% всех городских поселений. К ним относился и Саратов⁸.

Как видно из табл. 1, число жителей губернского центра приближалось к 200 тыс. Далее следовал Царицын, число жителей в котором равнялось почти 80 тыс. Кроме того, довольно крупными городами являлись Вольск, Балашов и Кузнецк. Практически во всех городах число мужского и женского населения было почти одинаковым, с небольшим перевесом в пользу последнего.

В начале XX в. Царицын превратился в крупный город. По переписи 1897 г. население Царицына составляло 55186 чел.¹⁰ С 1861 г., т. е. за 35 лет, благодаря выгодному географическому

Таблица 1

Количество жителей в городах Саратовской губернии в 1904 г.⁹

Город	Мужское население	Женское население	Жители обоого пола
Саратов	93683	104139	197822
Аткарск	6012	6068	12080
Балашов	12225	9727	21952
Вольск	13750	14429	28179
Камышин	8864	10106	18970
Кузнецк	11118	11563	22681
Петровск	8299	8820	17119
Сердобск	4511	4695	9206
Хвалынский	7374	8290	15664
Царицын	39153	40606	79759
Дубовка	7672	8583	16255
Елань	7161	7219	14380

положению (берег низовой Волги), оно увеличилось более чем в 8 раз. В этом отношении Царицын превзошёл все поволжские города. И если в 1890 г. здесь проживало 38 тыс. чел., в 1904 г. – 80 тыс., то в 1915 г. – уже 135 тыс. чел.¹¹

Несколько иная картина складывается при рассмотрении динамики роста численности населения уездных городов Саратовского Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.

Из табл. 2 видно почти утроение населения уездных городов в отмеченный период. Самым крупным из них являлся Вольск¹². Главной причиной роста численности населения Вольска, Камышина, и Кузнецка являлись подведение железных дорог и успехи раннеиндустриального развития, в частности, цементной промышленности и кустарных промыслов.

К 1914 г. в регионе городское население достигло 580 949 чел., что составляло 15,8 % от общего числа жителей Саратовской губернии¹⁴. Удельный вес горожан во всем населении за 1897–1914 гг. увеличился всего лишь на 3 %, с

12,8 до 15,8 %¹⁵, а доля естественного прироста при этом не превышала 0,6 %¹⁶. Основное увеличение населения происходило за счет прилива пришлого населения, главным образом, из крестьян Саратовской (40 %) и соседних малоземельных губерний (26 %)¹⁷. По официальным данным, в начале XX в. 89,1 % жителей Саратова относились к крестьянскому сословию, а 77,3 % из них называли своим основным занятием сельское хозяйство¹⁸.

Весьма интересным представляется социальная структура городского населения Саратовского Поволжья. Особенности модернизационных процессов в регионе определили и своеобразие его социальной структуры, заключавшееся в незавершенности классовой дифференциации и разобершенности различных социальных групп. Своеобразие России проявлялось в запаздывании формирования классовой структуры, соответствующей индустриальному обществу. Сохранялось сословное деление – дворяне, мещане, казаки, купцы, крестьяне, инородцы и др.

Таблица 2

Динамика роста численности населения уездных городов Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX в.¹³

Город	1859 г.	1897 г.	1914 г.
Аткарск	6324	7300	19088
Балашов	5945	10309	23502
Вольск	23519	27058	42093
Камышин	9788	16264	30282
Кузнецк	12828	20473	33777
Петровск	9255	13304	23812
Сердобск	5231	7381	15831
Хвалынский	12457	15157	22060
Посад Дубовка	12824	16638	17651
Итого	98171	133884	228096

Данные первой Всеобщей переписи населения 1897 г., отражая сословную дифференциацию населения, свидетельствуют о преобладании в городах крестьянского (43,4 %) и мещанского (43,2 %) населения, привилегированные сословия составляли 6,06 %. Обращает внимание весьма низкий, по сравнению с данными середины XIX в., процент купечества (1,3 %) ¹⁹.

Специфика социальных преобразований региона заключалась в особенной предпринимательской активности старообрядческого купечества и немцев-колонистов, в значительном росте числа промышленных рабочих, главным образом, за счёт крестьян-отходников, в сохранении традиционно патерналистских взаимоотношений между хозяевами и работниками.

Процесс формирования промышленной буржуазии и наемных рабочих во многом определялся специфическими особенностями экономики региона. Основные виды производства – переработка сельскохозяйственного сырья, лесопереработка и частично цементная промышленность – носили сезонный характер с массовым использованием неквалифицированного труда. Этим можно объяснить весьма разностороннюю деятельность местных предпринимателей. Промышленная буржуазия, в большинстве своем формировавшаяся из рядов купечества и немцев-колонистов, как правило, продолжала вести обширную торговлю – имела лавки, конторы, отделения в волжских городах, владела пароходами, баржами, дебаркадерами, пристанями и т. п. Сезонный характер многих производств позволял предпринимателям каждый год обновлять состав работников при сохранении низкой заработной платы, что тормозило процесс формирования постоянных рабочих кадров. Если в центральном промышленном районе в начале XX в. до 87% рабочих были кадровыми, то в Саратовском Поволжье они не превышали 20% ²⁰.

В целом, по нашему мнению, раннеиндустриальная модернизация не была завершена в Саратовском Поволжье к 1917 г. Даже крупная промышленность оставалась слабомеханизированной, а аграрный сектор практически не был затронут. По структуре занятости регион можно отнести к аграрному – 84,2% населения было занято в сельском хозяйстве. Буржуазно-либеральная модель модернизации России не только не решала главной проблемы – не преодолевала отставания от стран лидеров, но и провоцировала социальную напряженность и политические потрясения. В конечном счете, именно она привела к революционной катастрофе 1917 г. и «предопределила революционную альтернативу в обеспечении дальнейшей модернизации страны – уже в рамках принципиально иной модели общественного развития» ²¹.

Социальные сдвиги, качество жизни населения оказывали определяющее влияние на этот процесс, что и характеризовало «человеческую

сторону» модернизации ²². Основная масса населения страны была настроена антирыночно, а неодобрительное отношение к частной собственности и рынку были присущи российской экономике. По словам Бердяева, «западные понятия о собственности были чужды русскому народу» ²³. Антирыночная, антисобственническая идеология в России уходила корнями в давние народные представления. В соборности русского общества заключалось главное препятствие модернизации. По мнению С. Ю. Витте, «одна и может быть главная причина нашей революции, это – запоздание в развитии принципа индивидуальности, а, следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности... Принципом индивидуальной собственности ныне слагаются все экономические отношения, на нём держится весь мир» ²⁴.

Ключевым моментом в становлении «нового» человека гипотетически могла бы стать отмена крепостного права 1861 г., если бы власть предоставила крестьянам право собственности на землю и освободила их от временнообязанных отношений с помещиками. Запоздалые реформы П. А. Столыпина в условиях исторического цейтнота вызвали мощное сопротивление крестьянства, усугубили раскол в обществе и создали предпосылки для социального взрыва. Начальная стадия урбанизационного перехода была предопределена не только внутренними потребностями, но и всем ходом мировой цивилизации и в целом соответствовала общемировым закономерностям этого процесса с присущими ей специфическими российскими особенностями. Город оказался противостоящим деревне не только экономически, но и социокультурно, как носитель западных ценностей, враждебных традиционному российскому обществу.

Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики хотя и перевернули всё общество, понимали несовершенство «человеческого материала», которому предстояло решить задачу строительства социализма. По признанию Ленина, «у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы всё-таки теперь стоим» ²⁵. Он же писал о миллионах «забитых, тёмных, совершенно неспособных к самостоятельному строительству, веками угнетённых помещиками крестьянах» ²⁶. Тем не менее, Ленину казалось, что можно сформировать, воспитать «нового человека», поднять «культурность деревни», благодаря руководству и помощи «городских и вообще фабрично-заводских, промышленных рабочих» ²⁷, носителей передового классового сознания и городской культуры. Между тем этот передовой класс и до революции не отличался чётко сформированным классовым самосознанием, а в годы Первой мировой и Гражданской войн и вовсе стал малочисленным. Тем не менее,

Ленин с уверенностью заявлял о том, что «мы хотим строить социализм из того материала, который оставил нам капитализм, со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены»²⁸.

Крестьянская Россия в подавляющем своём большинстве сохраняла верность старой патриархальной культуре и приверженность к прежним механизмам регулирования социального поведения людей, не отвечавшим новым условиям и задачам. В этих условиях историческая неподготовленность десятков миллионов людей к решению поставленных перед ними задач не могла не дать себя знать, что наложило отпечаток как на сами представления о социализме, так и на пути и методы его построения.

Выступая от имени «эксплуатируемых масс», большевики активно взялись за радикальную ломку социальных институтов и отношений. В течение нескольких лет из города исчезли целые классы, сословия, социальные слои. Были практически уничтожены дворянство и купечество, вытеснялось и растворялось мещанство. В очередной раз власть осуществила «революцию сверху», совершила промышленный прорыв, никак не связанный с

социальным слоем промышленного предпринимательства.

За время революции и Гражданской войны урбанизационные процессы приостанавливались, и лишь к 1926 г., благодаря нэпу, в регионе сложилась социальная структура населения, характерная для развития города в условиях рыночного хозяйства, со всеми присущими ей элементами – предпринимателями, рабочими, служащими, ремесленниками, безработными и проч.

Из табл. 3 видно, что в середине 1920-х гг. наиболее многочисленную группу городского самостоятельного населения составляли служащие. Причём в Саратове как наиболее крупном и развитом городе Поволжья их доля составляла 34,6% всего самостоятельного населения, что значительно превышало общероссийские показатели (27,5%). Категория рабочих в городах не имела развитой профессионально-отраслевой структуры. Самую крупную группу среди рабочих профессий составляли металлисты и работники железнодорожного транспорта, причём свыше 90% из них работало на государственных предприятиях. Наиболее высокая концентрация рабочих в городах региона наблюдалась в Сталинграде (32,1%).

Таблица 3

Социальный состав городского населения Саратовского Поволжья в 1926 г.²⁹ (самостоятельное население)

Социальные группы	г. Саратов		г. Сталинград		% по РСФСР
	Количество человек	В % к итогу	Количество человек	В % к итогу	
Рабочие	15667	18,2	17051	32,1	29,5
Служащие	29595	34,6	16223	30,6	27,5
Лица свободных профессий	512	0,6	239	0,5	0,5
Хозяева с наёмными рабочими	432	0,5	269	0,5	0,7
Хозяева с помогающими членами семьи	2752	3,2	1548	3,0	5,1
Хозяева-одиночки	7681	9,0	5271	9,9	7,9
Помогающие члены семьи	2441	2,9	1566	3,0	7,8
Лица, не имеющие или не указавшие занятия	16584	20,0	5948	11,2	12,6
Безработные	9381	11	4885	9,2	8,3
Всё самостоятельное население	85315	100	53000	100	100

Значительную часть городского населения составляли ремесленники и кустари, к которым по переписи 1926 г. относились «хозяева, работающие только с членами семьи» и «хозяева-одиночки». Самыми распространёнными профессиями среди них были следующие: портные, сапожники, часовщики и ювелиры, извозчики, парикмахеры, а также рыболовы и лица, занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью на своих приусадебных участках. Их деятельность не выходила за рамки производства товаров широкого потребления и бытовых услуг и в целом удельный вес этой группы в Саратовском По-

волжье составлял 17 %, в то время как по стране их доля равнялась лишь 13 %³⁰.

Со свертыванием нэпа в городах Саратовского Поволжья исчезла безработица, слои частных предпринимателей, а большая часть бывших самостоятельных хозяев была вовлечена в кооперацию. Жители городов в большинстве являлись горожанами в первом поколении и несли на себе печать промежуточности, маргинальности. Советская урбанизация не сопровождалась формированием полноценной городской среды, а главное, ростом средних социальных слоев, буржуазии – естественного носителя городских

отношений. Население урбанизировалось, но сами города становились инструментом воспроизведения социальной маргинальности.

В течение 1930-х гг. на фоне успехов индустриализации происходили коренные изменения в социальном облике города. Бурное развитие промышленности в регионе и стремительная урбанизация привели к росту численности рабочих.

стриализации происходили коренные изменения в социальном облике города. Бурное развитие промышленности в регионе и стремительная урбанизация привели к росту численности рабочих.

Таблица 4
Состав городского населения Саратова и Сталинграда по общественным группам по Всесоюзной переписи 1939 г., %³¹

Общественные группы	Саратов	Сталинград	По РСФСР
Лица, имеющие занятия:			
рабочие	62,3	63,9	59,8
служащие	31,7	31,6	32,7
колхозники	2,3	2,1	3,2
Кооперированные кустари	4,1	2,0	3,6
Некооперированные кустари	0,3	0,1	0,5
Крестьяне-единоличники	0,3	0,3	0,7
Итого	100	100	100

При сопоставлении данных переписей 1926 и 1939 гг. обращает на себя внимание резкое увеличение (в два-три раза) доли рабочих в общей массе самодеятельного населения региона. Если в 1926 г. они составляли от 18,2% в Саратове до 32,1% в Сталинграде, то в конце 1930-х гг. – соответственно 62,3 и 63,9%, что превосходило общероссийские показатели (59,8%). Наибольшее число рабочих теперь было задействовано в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, причём исключительно на государственных предприятиях (табл. 4).

Выбор советской модели модернизации, обусловленный как состоянием производительных сил, политической обстановкой в обществе и руководстве страны, так и внешнеполитической ситуацией, привёл к быстрому росту городского населения страны. Власти рассматривали этот факт как один из главных показателей «грандиозных успехов» страны в области индустриализации. Большая социальная поддержка снизу убеждала их в правильности курса, отвечавшего социокультурным, историческим и государственным традициям России. Он оказался закономерным результатом предыдущего исторического развития и позволил внедрить некоторые ценности индустриальной технологии в массовое сознание изначально крестьянской страны.

Миллионные массы людей поднимались с насиженных мест и отправлялись на поиски новой жизни, туда, где закладывались основы будущей экономической мощи страны – в города и совсем необжитые места. Сами города как саморегулирующийся и саморазвивающийся организм трансформировались в «поселенческие приложения» к форсированной индустриализации. За короткий промежуток времени десятки миллионов вчерашних крестьян стали промышленными рабочими и инженерами. В конце 1930-х гг. они составляли более 93 % взрослого городского населения региона.

В этом заключалась главная задача Советского государства в социальной сфере: в результате индустриализации осуществить урбанизацию, превратить сельских жителей в городских, ликвидировать промежуточные, средние слои общества. Однородная масса крестьян превратилась в не менее однородную массу государственных рабочих и служащих. По существу, это тот же общинный крестьянин, но переодетый в городскую одежду и получивший современное образование. У него не было опыта самостоятельной экономической деятельности в конкурентной среде. Внутреннее разнообразие общества, а значит и его устойчивость, оказались весьма ограниченными. Идеологические шоры, низкий уровень благосостояния, патерналистская социальная политика, ограничение свободы передвижения противоречили главному принципу модернизации – свободе индивидуального выбора во всём, что касалось личной жизни человека.

Примечания

- 1 См.: Государственный Архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 15. Д. 977. Л. 1–2; Статистический обзор Саратовской губернии за 1894–1904 гг. Саратов, 1905. С. 7–8; Саар Г. Саратовская промышленность в 90-х и в нач. 900-х гг. Саратов, 1928. С. 28–29.
- 2 См.: Чолахян В. А. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. – июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов, 2007. С. 296.
- 3 Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века. М., 2000. С. 74.
- 4 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 1.
- 5 Иванова Е. В. Изменения численности и состава населения города Саратова в конце XIX – начале XX вв. // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 4. Саратов, 2009. С. 63.

- 6 См.: Население империи по переписи 28-го января 1897 г. по уездам. Вып. 1. СПб., 1898. С. 14, 29.
- 7 См.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1901. С. 146.
- 8 См.: Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 440.
- 9 Таблица сост. по: Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 162.
- 10 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV.
- 11 См.: *Атопов В. И., Масляев В. Е., Липявкин А. Ф.* Волгоград. М., 1985. С. 19.
- 12 Хотя Царицын в 1914 г. считался уездным городом, по уровню экономического развития и численности населения автор относит его к крупным городам Поволжья.
- 13 Таблица сост. по: Списки населенных мест Российской империи. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1862. С. XXXII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV, 1; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915. Ведомость № 6.
- 14 Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915. С. 7.
- 15 Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915. С. 7.
- 16 См.: *Ершов А.* Очерк чернорабочего движения в Саратовском крае. Саратов, 1909. С. 42.
- 17 См.: *Матвеев И. М.* Саратов в санитарном отношении в 1906 году. Саратов, 1908. С. 64.
- 18 См.: *Чолахян В. А.* Социально-демографические последствия индустриального развития Нижнего Поволжья (конец XIX в. – 1930-е гг.). Саратов, 2008. С. 45.
- 19 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. VII
- 20 См.: *Маркушина С. В.* Промышленность Саратовской губернии в условиях капиталистической модернизации середины XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. С. 152.
- 21 *Братченко Т. М., Сеняевский А. С.* Протоиндустриальная и раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Экономическая история России : проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 9. Волгоград, 2007. С. 92.
- 22 См.: Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века. М., 2000. С. 76.
- 23 *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 14.
- 24 *Витте С. Ю.* Воспоминания в 2 т. Т. 2. М., 1960. С. 493.
- 25 *Ленин В. И.* О кооперации // Полн. собр. соч. : в 53 т. 5-е изд. Т. 45. М., 1979. С. 377.
- 26 *Ленин В. И.* О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 59.
- 27 Там же. Т. 39. С. 14.
- 28 Там же. Т. 38. С. 54.
- 29 Таблица сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XX. М., 1929. С. 478–483, 492–503.
- 30 Там же
- 31 Таблица сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 327. Л. 9; Д. 328. Л. 10; Д. 329. Л. 7; Д. 336. Ч. 1; Д. 374. Л. 140; Д. 476. Л. 163.

УДК: 94(477.43)|1921/1923|

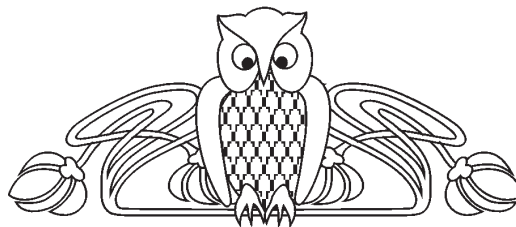
ПОМОЩЬ ЖИТЕЛЕЙ ПОДОЛИИ ГОЛОДАЮЩЕМУ ПОВОЛЖЬЮ В 1921–1923 ГОДАХ

Н. П. Олейник

Каменец-Подольский национальный университет
имени Ивана Огиенко, Украина
E-mail: mpoliynyk@ukr.net

В статье рассматриваются меры органов советской власти на Подолии по формированию сети комитетов помощи жертвам голода 1921–1923 гг. Анализируется пропагандистская и организаторская деятельность по мобилизации масс на сбор продовольствия и денег. Исследуется практика внедрения и взыскания голодных пайков с нетрудового населения городов и местечек, реакция их жителей на действия власти.

Ключевые слова: голод, комитеты помощи голодающим, конфискация, голодный паек, голодный паспорт.

Assistance from Podillya to the Victims of Starvation in 1921–1923 in Povolzhie

M. P. Oliynyk

The article is focusing on Soviet authority measures on establishing of the committees' network on assistance to the victims of starvation in 1921–1923 on Podillya. There is analyzed propaganda and organizational activity of on mobilization of people for collecting of products and money. The article investigates practice of introduction and penalties of «hungry» rations from unemployed population in cities and small cities, reaction of their citizens and authority's actions.

Key words: starvation, committees on assistance to starving, confiscation, starve rations, starve passport.